

Олег Кондратенко

Ближневосточный геостратегический вектор Российской Федерации

Постановка проблемы

В условиях нарастания геополитической турбулентности и хаотизации мирового порядка, Ближний Восток продолжает занимать одно из ключевых мест в геостратегии ведущих актеров современных международных отношений. Именно в этом регионе пересекаются интересы крупных государств, в том числе и Российской Федерации. Заметим, что с распадом СССР заметно ухудшились отношения Москвы с ее традиционными союзниками на Ближнем Востоке, в частности с такими как: Ирак, Сирия и Ливия. С целью восстановления геополитического влияния Россия традиционно пытается расширить свое присутствие в тех регионах, где существует политическая нестабильность и кризис региональной безопасности и в конечном итоге именно такой частью мира является сегодня Ближний Восток. Стремясь вернуться в традиционную сферу присутствия Советского Союза, Россия направила свои действия на изменение баланса сил в Ближневосточном регионе через управление конфликтами. В целом же, под видом миротворческого участия и содействия урегулированию международных конфликтов, Россия демонстрирует свою роль мощного игрока и именно благодаря динамике управляемого хаоса она укрепляет статус одного из мощных геополитических центров.

Проблематике российской геостратегии посвящено заметное количество украинских и зарубежных исследований. В частности, работы украинских ученых, касающиеся данной исследовательской тематики, в основном рассматривают общие вопросы геостратегии, внешней политики и геополитики России. Среди авторов таких исследований следует назвать Н. Дорошка¹,

---

¹ М. С. Дорошко, *Про вплив геополітичного середовища на зовнішню політику держави (на прикладі країн пострадянського простору)*, „Географія та туризм” 2010, Вип. 5, с. 52-55.

И. Мельничука², Г. Перепелицу³, И. Пиляева⁴, Л. Чекаленко⁵, С. Шергина⁶ и др. При этом, следует констатировать, что специальные работы украинских исследователей, посвященные преимущественно ближневосточной политике РФ количественно и качественно ограничены. В порядке исключения можем привести фамилии ученых и политических экспертов, таких как В. Ижак, В. Каспрук, С. Корсунский, Ю. Скороход, Н. Слободян, труды которых автор использует в данной статье.

Другой является ситуация в российской исторической и политической науке, где вопрос ближневосточного геостратегического вектора России уже фактически трансформировался в самостоятельное научно-исследовательское направление. Среди представителей научных кругов, которые занимаются вопросом ближневосточного вектора РФ нужно выделить использованные нами работы А. Арбатова, В. Барановского, М. Кожанова, Г. Косача, А. Крылова, Ф. Лукьянова, А. Подцероба и Е. Примакова. Не менее активно российское присутствие на Ближнем Востоке исследуют западные ученые, а также отдельные политэксперты и журналисты ближневосточных стран. Среди таких назовем достаточно информативны работы Д. Адамского, Я. Амидрора, Д. Верне, Д. Гордона, Р. Гужон, П. Йонсона, М. Сесайра, С. Сестановича, Дж. Симпсона, Дж. Соломона, А. Стент, К. Триппе, Дж. Фридмана, М. Хааса и др.

Выше приведен анализ исследования проблематики дает основания утверждать о достаточной научной внимании к Ближневосточного региона в целом и ближневосточного геостратегического вектора России в частности. Однако, даже такая довольно многочисленная количество научных работ не отражает полной геополитической картины на Ближнем Востоке и лишь частично раскрывает сущность российской политики в регионе, тем самым требует конкретизации и дальнейших научных исследований по этому поводу.

---

² І. М. Мельничук, *Інтеграційні проекти Російської Федерації на пострадянському просторі*, Чернівці 2015.

³ Г. М. Перепелиця, *Культ силы во внешней политике России как квинтэссенция российского национального интереса*, „Diplomacja i Bezpieczeństwo” 2015, no. 1(3), с. 95-109.

⁴ І. С. Піляєв, *Перекидання шахівниці, або „модернізація” по-російськи „Третя хвиля” демократизації на теренах Євразії: досвід новітньої історії та виклики сучасності*: зб. наук. праць, Київ 2015, с. 350-362.

⁵ Л. Д. Чекаленко, *Інтеграційний проект: Союзна держава Росії та Білорусі*, <http://aforeignaffairs.com/en/expert-opinion/view/article/integraciniinii-proekt-sojuzna-derzhava-rosiji-ta-bilorus/> (9 VI 2017).

⁶ С. О. Шергін, *Геополітичні пріоритети України і Росії в контексті неоевразійської парадигми розвитку*, „Науковий вісник Дипломатичної академії України” 2012, Вип. 18, с. 287-292.

Изложение основного материала

Уже в последний год своего пребывания во главе МИД РФ А. Козырев сделал несколько заявлений о том, что Россия не должна ориентироваться исключительно на Запад, а идти туда, где она имеет собственные стратегические интересы. После этого, как утверждают политологи, Россия направила свои внешнеполитические векторы сначала на Север и Юг, а в итоге и на Восток. Тем временем, попытки компенсировать постсоветскую „потерю Востока” в 1990-х гг. за счет банального налаживания отношений с Ираном не принесли Москве значительных геополитических дивидендов. Тогда в первой половине 1990-х гг. Россия стремилась активно наладить более тесные отношения с Израилем как ближайшим партнером США в Ближневосточном регионе. При этом, Россия выступала в качестве коспонсора ближневосточного мирного урегулирования, участие которой в этом процессе поддержал и Египет⁷.

Содействия урегулированию арабо-израильского кризиса послужило ближневосточное турне в 1997 г. тогдашнего главы МИД РФ Е. Примакова, который находясь в Каире предложил принятия „Кодекса мира и безопасности на Ближнем Востоке”. Этим документом все стороны конфликта должны были выразить обязательства относительно воздержания от силовых действий. Е. Примаков встречался тогда с палестинским руководством во главе с Я. Арафатом и делал акцент на соблюдении Израилем мадридской формулы „территории в обмен на мир”, а также выступал против любых намерений израильского руководства отойти от уже достигнутых предварительных договоренностей⁸. Впрочем, такая стратегия России тогда не сработала в основном из-за явно выраженной специфичности данного конфликта, а также через его продолжительность. Россия к тому же не пошла на поддержку Организации освобождения Палестины (ООП) и ее лидера Я. Арафата в создании Палестинского государства, провозглашение которого планировалось на май 1999 г.⁹

С целью повышения своего геополитического статуса и влияния на динамику арабо-израильского конфликта Россия принимала участие в т. н. „Квартете” участников (ЕС, США, РФ, ООН), инициированном президентом

---

⁷ А. В. Демченко, *Роль России в урегулировании палестино-израильского конфликта*, http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:81CYTShlV5gJ:www.perspektivy.info/book/rol_rossii_v_uregulirovanii_palestino-izrailskogo_konflikta_2011-09-02.htm+&cd=6&hl=ru&ct=clnk&gl=ua (10 VI 2017).

⁸ Е. М. Примаков, *Годы в большой политике*, Москва 1999, с. 378.

⁹ *Примаков подарил Ближнему Востоку Кодекс. Россия возвращается на Ближний Восток* „Коммерсантъ”, 4 XI 1997.

США Дж. Бушем-младшим в 2002 г.¹⁰. Участники „Квартета” предложили „Дорожную карту” по урегулированию Ближневосточного кризиса, итогом которого должно было стать создание в трехлетний срок независимого государства Палестина с дальнейшим налаживанием ею отношений с Израилем. Израиль несмотря на мощную русскоязычную общину выходцев из бывшего СССР, избегал тогда прямых партнерских отношений с Россией ограничившись сотрудничеством с отдельными группами патриотических сил РФ¹¹. Двойная игра России на Ближнем Востоке активно проявилась с приходом к власти президента В. Путина – когда РФ признала ХАМАС законным и легитимным участником политических процессов в Палестине, а также пыталась отвести этой организации политическую роль в ближневосточном урегулировании. Москва также откровенно призвала Израиль к диалогу с ХАМАС, которая для него является террористической организацией эквивалентна тому как чеченские боевики были в свое время для России. Тем самым, пытаясь вести двойную игру Россия имела целью через поддержку ХАМАС усилить свое влияние на Ближнем Востоке в целом и на политику Израиля в частности¹². Стратегия двойных стандартов Москвы нашла свое продолжение в конфликте на украинском Донбассе где Россия добивается налаживания диалога Киева с поддерживаемыми ею сепаратистами, действия которых стоит расценивать как террористические.

Начиная уже с 1994 г. Б. Ельцин все склонялся к поиску альтернативы односторонним уступкам Западу, однако в целом не отвергая при этом идею вступления РФ в „западный клуб”. Уже в этом году Россия возобновила военно-техническое сотрудничество с Сирией как бывшим союзником СССР в результате чего были заключены контракты на поставки оружия¹³. Заметим, что Россия уже в 1990-х гг. выстраивала стратегию формирования геостратегического четырехугольника „Россия–Ирак–Иран–Сирия”. В 1998 г. Сирия приняла программу перевооружения и модернизации своих вооруженных сил, в т.ч. и путем закупки российского вооружения, а в следующем году Хафиз Асад предложил России широкомасштабное военно-техническое сотрудничество и обновление стратегического союза. Однако к тому

¹⁰ Ю. Скороход, *Роль політики великих світових держав у подоланні збройних конфліктів та осередків воєнної напруженості в регіоні Близького та Середнього Сходу*, „Дослідження світової політики” 2010, Вип. 50, с. 173.

¹¹ А. А. Крылов, *„Квартет” посредников ближневосточного урегулирования. Десять лет спустя*, http://www.old.mgimo.ru/files2/2012_09/up78/file_75e776a61d0e9078fd18e8462f302134.pdf (11 VI 2017).

¹² R. Freedman, *Russia, Israel and the Arab-Israeli Conflict: The Putin Years*, „Middle East Policy Council” 2010, vol. 17, no 3, <http://www.mepc.org/journal/middle-east-policy-archives/russia-israel-and-arab-israeli-conflict-putin-years?print> (12 VI 2017).

¹³ *Интересы и политика России на Ближнем Востоке*, http://www.bvahan.com/Armenian-Way/AW/igor_muradian/east/1.10.html (12 VI 2017).

времени Россия отвергла такую идею, так как внешнеполитические стратегии в Ближневосточном регионе обеих стран тогда резко контрастировали. Тем не менее, военно-техническое сотрудничество сторон все время оставалось ощутимым в контексте сохранения преемственности в отношениях Москвы и Дамаска¹⁴. Вскоре было налажено экономическое и энергетическое сотрудничество России с Ираком, которая к тому же пыталась содействовать политическому урегулированию внутренних проблем этой страны.

В свое время Россия поддержала просьбу Ирака относительно досрочного смягчения санкций, наложенных на него после кувейтской авантюры, впрочем СБ ООН не удовлетворил эту просьбу, ссылаясь тогда на полное разоружение Ирака для предотвращения возможных дальнейших агрессивных действий. Российская Федерация крайне негативно отреагировала на силовые операции США и их союзников в Ираке в 1998 г. („Лис пустыни“) и 2003 г. („Иракская свобода“), направленных против режима Саддама Хусейна, которого обвинили в разработке оружия массового уничтожения (ОМУ). Руководство РФ реально опасалось, что боевые действия в Ираке вызовут взрыв террористической активности в регионе и тем самым осложнит положение в сфере безопасности России на Юге РФ, прежде всего на Северном Кавказе, а также может стимулировать массовые протестные настроения в республиках с населением, исповедующим ислам. Россия вместе с Китаем, а также Францией, Бельгией и Германией – как членами НАТО, выступила единым фронтом против силовых действий Вашингтона в обход решения СБ ООН¹⁵.

Однако, все попытки России выступить в роли посредника между иракским режимом и западными странами не принесли ей особого успеха. В то же время, в данном геополитическом раскладе Россия имела собственный стратегический финансово-экономический интерес, так как на 2003 г. была крупнейшим поставщиком оружия Багдаду, а его долг перед Москвой тогда составлял около 8 млрд USD, что лишь мотивировало заинтересованность России в отношении сохранения режима Саддама Хусейна. Впрочем, на фоне ухудшения европейско-американских отношений из-за разногласий по Иракскому конфликту, в России пропагандировалась идея сближения с США с целью предупреждения угрозы со стороны других государств и надгосударственных образований. Ради этого Москва выразила готовность соблюдать „союзнические“ обязательства перед США, а те в свою очередь, по логике Москвы, должны были признать постсоветское

¹⁴ А. Б. Подцероб, *О российско-сирийских отношениях*, <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:8D84VH0prYYJ:www.iimes.ru/rus/stat/2010/04-01-10.htm+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=ua> (13 VI 2017).

¹⁵ М. Haas, *Russia's Foreign Security Policy in the 21st Century Putin, Medvedev and beyond*, London-New York 2010, с. 79.

пространство, Восточную Европу, Закавказье и Центральную Азию сферой геостратегических интересов России, а также признать законность ее борьбы с сепаратистами и террористическими силами на Северном Кавказе¹⁶.

В конце концов, „арабскую весну” как и „цветные революции” на постсоветском пространстве, Россия воспринимает в качестве заранее спланированных спецопераций США по устранению легитимного руководства и его замены на более лояльный Вашингтону режим. Свообразным шоком для России было отстранение от власти египетского лидера Х. Мубарака, поскольку действия США были расценены Москвой не иначе как предательство верного союзника. Во время „арабской весны” наиболее драматический характер, как известно, получили события в Ливии в 2011 г. когда был свергнут антизападный режим Каддафи. Однако, в ходе ливийских событий, Россия как и во время бомбардировки Белграда и спецоперации США в Ираке могла лишь наблюдать за действиями Запада. Данная ситуация никак не устраивала РФ, поскольку ливийский режим имел в свое время тесные отношения с СССР, а позже с Россией.

Итак, в сложившейся ситуации Ближнем Востоке, Россия пытается обосновать свои действия тем, что политика США по изменению режимов „field states” подтверждает свою неэффективность и создает дополнительные зоны нестабильности и напряженности в различных регионах мира. Поэтому, Россия демонстрирует миру, что в отличие от США она не оставляет своих союзников и предоставляет им посильную поддержку, недвусмысленно заняв таким образом сторону Б. Асада, фактически с начала гражданской войны в Сирии с 2011 г.¹⁷. Несмотря на уверенность Запада относительно неспособности России применять военную силу в региональном масштабе, РФ использовала в качестве стратегического преимущества фактор неожиданности в разворачивании скорого участия в сирийском конфликте, что на некоторое время сбilo с толку Запад и в частности Белый дом. Поэтому, именно непредсказуемость внешней политики стала едва ли не главным козырем путинской России. Военно-политическое присутствие и участие РФ в военных действиях на Ближнем Востоке ставит целью вызвать критическое влияние на динамику региональных конфликтов и кризисов, что должно способствовать сохранению или усилению конфликтной ситуации в регионе¹⁸.

¹⁶ О. Ёжак, О. Гавриш, *Новий формат американсько-російських відносин і реалізація інтересів України*, <http://www.db.niss.gov.ua/monitor/comments.php?shownews=339&catid=8-42k> (14 VI 2017).

¹⁷ Р. Амидрор, *Россия – снова сверхдержава*, <http://inosmi.ru/military/20161009/237992463.html> (14 VI 2017).

¹⁸ А. Сивицкий, Ю. Царик, *Новая геостратегия России: последствия и вызовы для архитектуры международной безопасности*, <http://hvylyya.net/analytics/geopolitics/novaya->

С обострением противостояния в Евразийском регионе и на Ближнем Востоке РФ пытается действовать с позиции силы, в основном с тем чтобы подчеркнуть собственную мировую значимость и международный вес, а также продемонстрировать геополитическую способность проводить военные операции в отдаленных регионах, вроде гуманитарных интервенций, перманентно проводят США вроде афганской и иракской кампаний. В частности, своими действиями в Сирии, Россия пытается доказать, что сферой ее геостратегических интересов как и во времена СССР является весь мир и тем самым она стремится подчеркнуть свою роль прежде всего глобального, а не регионального игрока. Также расширением военного присутствия в Сирии, Россия пытается продемонстрировать то, что она не находится в изоляции и влияет на состояние региональной и глобальной безопасности¹⁹. В конце концов, такие шаги России направлены на создание у международного сообщества представления о сфере своих жизненных интересов, не ограничиваются только постсоветским пространством и может таким образом вмешиваться даже в те регионы, которые Вашингтон традиционно считает своими оперативными зонами и не воспринимает появление там новых геополитических соперников. По этому поводу упоминавшаяся А. Стент утверждает, что: „(...) принимая участие в сирийском конфликте РФ пытается сформировать хотя бы иллюзию того, что сферой его интересов является не только постсоветское пространство, но и любой другой участок мира”²⁰.

Вместе с тем, относительно Сирии РФ как и в случае с Ливией выдвигает ключевое утверждение о том, что режим Б. Асада служит своеобразным защитным бастионом от распространения радикального исламизма и фундаментализма, в т.ч. и на фоне резкого увеличения мусульманского населения в самой России. Также своими действиями в Сирии Москва пытается стратегически отвлекать мировое внимание от своего участия в конфликте на востоке Украины и аннексии Крыма²¹. Двойная игра российского участия в сирийском конфликте направлена, с одной стороны, на поддержку режима Б. Асада, которого Россия отстаивает в качестве единственного легитимного представителя Сирийской Республики, с другой стороны, РФ

-geostrategiya-rossii-posledstviya-i-vyzovyi-dlya-arhitekturyi-mezhdunarodnoy-bezopasnosti.html (15 VI 2017).

¹⁹ D. Adamsky, *Putin's Syria Strategy. Russian Airstrikes and What Comes Next*, „Foreign Affairs”, 1 X 2015, <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2015-10-01/putins-syria-strategy> (15 VI 2017).

²⁰ A. Stent, *Putin's Power Play in Syria How to Respond to Russia's Intervention*, „Foreign Affairs” 2016, vol. 95, no 1.

²¹ В. Барановский, *Новая внешняя политика России: влияние на международную систему, „Мировая экономика и международные отношения”* 2016, no 7, с. 8.

имитирует борьбу с исламскими террористическими силами ИГИЛ, так как а priori не намерена вести полноценную борьбу против данной террористической организации, которая достигла масштабов псевдогосударства. Таким образом, нанося удары по ИГИЛ – Москва демонстрирует поддержку антитеррористической коалиции западных и ближневосточных стран в борьбе с международным терроризмом²². Таким образом, между ведущими актерами влияния развернулась борьба за стратегическое доминирование в Ближневосточном регионе где Сирия стала одним из плацдармов геополитического противостояния. О важности ролевой участия России в сирийском конфликте отметил в авторитетном издании „Foreign Affairs” Председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике России Ф. Лукьянов, за словами которого:

(...) в России прежде понимают, что без ее участия режим Б. Асада не может долго удержаться у власти и контролировать ситуацию, а Сирия после ухода России прекратит свое существование, так как это произошло в случае с Ираком после вывода американского контингента²³.

При всем, американские мозговые центры пришли к пониманию, что оппозиция, которая придет к власти после падения режима Б. Асада не сможет долго противостоять и ИГИЛ и быстро потеряет контроль над остатками сирийской территории. Именно поэтому Вашингтон в определенной степени вынужден считаться с интересами России в Сирии²⁴. Исходя из этого, режим Б. Асада выступает также в качестве средства давления на США, которым необходимо прекратить сирийский конфликт. При таких обстоятельствах Вашингтону необходимо садиться за стол переговоров с Москвой. В конце концов, чем больше США зависят от России в проведении переговоров вокруг Сирии, Кремль может больше требовать от Вашингтона уступок в отношении стран постсоветского пространства. Поэтому, стратегия РФ на Ближнем Востоке заключается в создании основы для переговоров по Сирии, которую можно будет в итоге использовать в качестве рычага давления на США. К тому же, Россия всеми силами проталкивает собственный план урегулирования и деэскалации сирийского конфликта путем создания четырех демилитаризованных зон, который

---

²² J. Solomon, S. Danger, *Russia, Iran seen coordination on defense of Assad Regime in Syria*, „The Wall Street Journal”, 21 IX 2015, <http://www.wsj.com/articles/russia-iran-seen-coordinating-on-defense-of-assad-regime-in-syria-1442856556> (15 VI 2017).

²³ F. Lukyanov, *Russia is following a clear strategy in Syria*, „Financial Times”, 20 III 2016, <https://www.ft.com/content/e5917508-ecf5-11e5-888e-2eadd5fbc4a4> (16 VI 2017).

²⁴ G. Friedman, *Why Putin Went into Syria*, <https://geopoliticalfutures.com/why-putin-went-into-syria/> (16 VI 2017).

к тому же поддержали Турция и Иран. Поэтому, Россия своей стратегией пытается демонстрировать/имитировать то, что она остается государством без которой нельзя обойтись, в частности в формировании международной системы безопасности²⁵.

Еще одним основанием для участия России в сирийском конфликте являются низкие мировые цены на нефть. Поэтому, российское присутствие на Ближнем Востоке и управляемая ею дестабилизация, в т.ч. через военную поддержку обанкротившегося режима Б. Асада, может выступать в качестве рычага давления на нефтяные монархии, в частности Саудовскую Аравию, в свое время, по данным России, поддерживала исламскую оппозицию в Таджикистане – Партию исламского возрождения, которая имела целью создание исламского государства в Центральной Азии. Россия пытается противостоять энергетическим государствам Ближнего Востока, прежде всего, таким как Саудовская Аравия и Катар, которые могут составить РФ энергетическую конкуренцию на европейском рынке углеводородов. К тому же, Катар имел план построения газопровода в Европу именно через Сирию, а потому Россия учитывая такую стратегию заинтересована в дальнейшей дестабилизации Сирии и усложнении урегулирования этого кризиса²⁶.

В. Путину необходимо заставить капитулировать разрозненную сирийскую антиправительственную оппозицию и укрепить режим Б. Асада с целью дальнейшего его навязывания на переговорах с Западом в качестве партнера и закрепления тем самым влияния России в Сирии и на Ближнем Востоке в целом²⁷. Кремль подобными действиями в регионе пытался склонить Б. Обаму, а ныне Д. Трампа, к признанию равноправия участия России в урегулировании сирийского конфликта. В такой ситуации Россия могла выдвинуть свои условия, в частности вести политические торги относительно дальнейшего пребывания Б. Асада у власти в качестве посткризисного лидера²⁸.

Своими агрессивными действиями в Сирии Россия пытается сделать зависимым состояние безопасности в Ближневосточном регионе. От Сербии к Афганистану РФ искусно сочетает энергетические соглашения, поставки

²⁵ R. Goujon, *The Logic and Risks Behind Russia's Statelet Sponsorship*, <https://www.stratfor.com/weekly/logic-and-risks-behind-russias-statelet-sponsorship> (17 VI 2017).

²⁶ A. Stent, *op.cit.*

²⁷ Д. Верне, *Если кто-то и помешает Путину „хозяйничать“ в Сирии, то только не Олланд*, <http://inosmi.ru/politic/20161012/238012882.html> (17 VI 2017).

²⁸ D. Gordon, *Headstrong. Putin's Involvement in Syria—And How Obama Can Leverage It*, „Foreign Affairs”, 30 IX 2015, https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2015-09-30/headstrong?cid=nlc-twofa-20151001&sp_mid=49684032&sp_rid=b2xlZ3ZhQHVrci5uZXQ5S1 (20 VI 2017).

оружия и тайные операции для укрепления собственных позиций²⁹. Россия расширяет свое геополитическое влияние на Ближнем Востоке путем формирования, хотя и с ограниченными возможностями, военных баз в Латакии – „Хмеймим” (авиабаза) и Тартусе (военно-морская база), которые одновременно расширяют присутствие России в Средиземноморье. Также еще до захвата в мае 2015 г. террористами ИГИЛ г. Пальмиры в СМИ появилась информация о строительстве там российскими военными казарм и госпиталя, которые предположительно должны были служить вспомогательной базой РФ³⁰. К тому же, Россия чем далее использует базу в Латакии (аренду которой она она задекларировала на бессрочный срок) в качестве логистического хаба и стратегического военно-морского узла с целью поддержки российских ВМС во время их действий в Средиземноморье³¹. Нарастание военного присутствия РФ в Сирии послужило тем самым лишь дальнейшему обострению военно-политической ситуации, в результате чего увеличилось количество беженцев, направляющихся в страны ЕС. Неконтролируемый рост числа сирийских беженцев тем самым стал угрозой и новым вызовом для европейской безопасности, что сыграло на руку Москве³². Следовательно, участие России в сирийском конфликте только откладывает его урегулирования и углубляет нестабильность всего региона, что в принципе и ставил себе в качестве стратегической цели Кремль.

Таким образом, как отмечает американский международный аналитик М. Сесайр, проектирование вооруженных конфликтов для России стало своеобразным брендом. В частности, военное присутствие РФ в Сирии служит в большей степени глобальной витриной демонстрации ее возможностей как великой державы, чем в качестве конкретного стратегического императива. Военные и стратегические достижения России в Сирии, как, впрочем и в Грузии и Украине, носят преимущественно символический/пропагандистский характер. Поэтому, на фоне нарастания внутренних проблем Россия пытается укрепить свой международный имидж и консолидировать собственное общество через проектирование военных действий³³.

²⁹ J. Walker, H. Azuma, *Japan's Plan to Bring the United States and Russia Together. The G-7 and Abe's Eurasian Adventures*, „Foreign Affairs”, 17 V 2016, <https://www.foreignaffairs.com/articles/japan/2016-05-17/japans-plan-bring-united-states-and-russia-together> (18 VI 2017).

³⁰ D. Adamsky, *Putin's Damascus Steal. How Russia Got Ahead in the Middle East*, „Foreign Affairs”, 16 IX 2015, https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2015-09-16/putins-damascus-steal?cid=nlc-twofa-20150924&sp_mid=49629706&sp_rid=b2xlZ3ZhQHVrci5uZXQ5S1 (18 VI 2017).

³¹ *Russia Strives to Cover Its Bases*, <https://www.stratfor.com/geopolitical-diary/russia-strives-cover-its-bases?> (18 VI 2017).

³² D. Gordon, *op.cit.*

³³ M. Cecire, *Russia's Art War: State Branding by Other Means*, „Foreign Affairs”, 7 II 2017, <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2017-02-07/russias-art-war> (19 VI 2017).

Однако, значительного авторитета на международной арене участие России в сирийском конфликте не принесла, а лишь ухудшила отношения с Западом где среди политической элиты окончательно утвердилось убеждение, что РФ никак не заинтересована в скорейшем урегулировании кризиса, а наоборот стремится поддерживать конфликт в состоянии перманентности неопределенное время. Тем не менее, ограниченность ресурсов не позволяет обеспечивать Кремлю геополитические интересы в соответствии с известной американской формулы „Win-win”, предусматривающий фактически синхронное участие в нескольких региональных конфликтах – в данном случае в Сирии и Украины.

Поэтому, Россия пытается вернуть поддержку бывших союзников в регионе, утраченную с крахом СССР, тогда как США со своей стороны пытаются ограничить влияние Российской Федерации на Ближнем Востоке³⁴. Все чаще прослеживается намерение сближения Ирака с Россией на фоне сохранения угрозы со стороны ИГИЛ. В то же время, шиитский Ирак все теснее сближается с Ираном как неформальным союзником Москвы на Ближнем Востоке. В 2013 г. США резко уменьшила военную помощь Египту после переворота генерала Ас-Сиси, что в свою очередь заставило Каир обратиться за геополитической поддержкой к России, после чего лидеры государств обменялись официальными визитами. Результатом сближения стало соглашение по закупке Египтом оружия в России на сумму 2 млрд долл., к тому же, Египет пообещал тогда зону свободной торговли в рамках ЕАЭС. РФ же со своей стороны обязалась построить первую в Египте атомную электростанцию. В 2014 г. Россия подписала с Египтом серию контрактов на поставку новейших образцов вооружения, в т. ч. истребителей, ударных вертолетов и ракетных комплексов С-300 на сумму 3,5 млрд USD. В то же время, ведется диалог между Москвой и Каиром по созданию крупной военно-морской базы в Александрии или Порт-Саиде, а также аренды бывшей советской военно-воздушной базы в египетском городе Сиди-Баррани с 2019 г.³⁵. Еще одним примером сближения с суннитскими государствами Ближнего Востока стали договоренности с Иорданией по поводу строительства ядерных реакторов³⁶.

Расширение российской геополитической зоны влияния на Ближнем Востоке затрагивает интересы Израиля в качестве главного американского союзника в регионе, а значит и геостратегические позиции США. РФ со

³⁴ М. Карзам, *Противостояние России и Америки в арабском мире: что дальше?*, <http://inosmi.ru/politic/20160824/237625440.html> (19 VI 2017).

³⁵ *Росія має намір відновити військову базу в Єгипті*, <http://www.eurointegration.com.ua/news/2016/10/10/7055638/> (19 VI 2017).

³⁶ П. Йонссон, *Неожиданный миротворец на Ближнем Востоке*, <http://inosmi.ru/politic/20160713/237182304.html> (19 VI 2017).

своей стороны не заинтересована в ухудшении или тем более расторжении отношений с Израилем, в частности из-за миллионной диаспоры российских евреев, эмигрировавших в Израиль после распада СССР³⁷. Стратегия России в отношении Израиля заключается в содействии демонстрации альтернативы американскому внешнеполитическому вектору. Известно, что в 2013 г. Москва приостановила поставки Сирии ракетного комплекса ПВО С-300, в т.ч. для того чтобы улучшить отношения с Тель-Авивом. Поэтому, Россия обеспечила себе надежный контроль над сирийским воздушным пространством. Все это восстанавливает давление на Израиль, которому пришлось отказаться от нейтралитета в сирийском конфликте и сделать выбор в пользу т. н. западно-суннитской коалиции³⁸. Со своей стороны, во время одного из визитов, В. Путин пообещал Б. Нетаньяху координировать с Израилем военную деятельность на территории Сирии, так как Москва выступает в качестве гаранта того, что крупнейшие антагонисты Израиля – Иран и „Хезболла” (как партнеры Москвы в данной ситуации) не будут атаковать еврейское государство. В этой ситуации опасения Израиля касались попадания дополнительного оружия, в т.ч. и русского, в руки враждебных ему сил Ирана, „Хезболлы” и сирийской армии. Также существует угроза распределения сфер влияния в Сирии между Тегераном и Москвой, а именно – на русский север и иранский юг, что прямо означало бы передачу ситуации в сирийско-израильском пограничье на откуп иранцам. При таких условиях, появится опасность создания Ираном базы для военных действий против Израиля под прикрытием российского присутствия³⁹.

Отдельно стоит акцентироваться на геостратегических отношениях России с двумя ключевыми ближневосточными государствами – Ираном и Турцией, что дает основания для предположения о намерениях Москвы касательно создания регионального геостратегического треугольника „Россия–Иран–Турция” – то есть государств интересы которых на Ближнем Востоке во многом пересекаются. Так, российско-иранские отношения длительное время формировались вокруг ядерной программы, которая в т.ч. предусматривала создание ядерного оружия этой исламской республикой. Впрочем, Иран является для России стержневым союзным государством

³⁷ Г. Косач, *Ближний Восток в Российской внешней политике*, „Мировая экономика и международные отношения” 2002, no 9, с. 40.

³⁸ J. Simpson, *How Putin conned us into thinking Russia is a superpower again*, <http://www.newstatesman.com/politics/uk/2016/09/how-putin-conned-us-thinking-russia-superpower-again> (20 VI 2017).

³⁹ К. Кожанов, *Брак по расчету. Перспективы российско-иранского сотрудничества*, „Россия в глобальной политике” 2016, no 3, <http://www.globalaffairs.ru/number/Brak-po-raschetu-18143> (20 VI 2017).

в регионе, в том числе для геополитического мониторинга ситуации в Персидском заливе.

С другой стороны, Россия пытается обеспечить свое влияние на Ближнем Востоке из-за укрепления оборонного потенциала Ирана, который является главным геополитическим противником американских союзников в данном регионе, такие как – государств Персидского залива (Саудовской Аравии, Катар, ОАЭ, Кувейта) и Израиля. Умеренное сближение России с Ираном происходило на фоне нарастания давления на Тегеран со стороны Запада, особенно после оглашения доклада МАГАТЭ в ноябре 2011 г. о разработке ядерного оружия на одном из объектов Бушерской АЭС. К тому же, РФ назвала санкции против Ирана контрпродуктивными, подчеркивая при этом отсутствие прямых доказательств создания атомного боезаряда. Показателем лояльной политики России в отношении Ирана в ядерном вопросе является его договоренность с Москвой относительно реализации проекта перевооружения иранской армии и развитие тесных связей в сфере атомной энергетики⁴⁰.

Вашингтон понимал решающую роль России в свертывании Ираном ядерной программы, поскольку именно она стала основным источником переработки и поставки ядерного топлива и оборудования для Тегерана, которые могли им быть использованы для создания ядерного оружия. Еще в 1990-х гг. США обвиняли Россию в том, что ее предприятия и высшие учебные заведения приложили руку к процессу реализации иранской ядерной программы⁴¹. В конце концов, это послужило введению Западом в 1998–1999 гг. санкций против отдельных российских предприятий, причастных к программе Ирана в ядерной сфере. Тогда стало понятно, что слабая Россия из-за поставок ядерных технологий Ирану все еще способна подорвать региональную безопасность на Ближнем Востоке. Поэтому, как отмечала в своих воспоминаниях М. Олбрайт, слабая Россия составляла для США в то время не меньшую угрозу чем сильная⁴².

Исходя из этого, некоторые представители окружения американского президента даже предлагали замедление темпов расширения НАТО в обмен на „убеждения” Россией Ирана в нецелесообразности ядерного проекта⁴³. В то же время, Россия, выступавшая против международной изоляции Ирана, позиционировала себя в качестве посредника по обеспечению

⁴⁰ Н. В. Слободян, *Сполучені Штати Америки та Російська Федерація в Перській затоці: союзники – суперники*, Київ 2014, с. 123-124.

⁴¹ S. Sestanovich, *Dual Frustration: America Russia and the Persian Gulf*, „The National Interest” 2002, no 70, p. 160.

⁴² *Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт*, Москва 2004, с. 566.

⁴³ А. Стент, *Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений*, Москва 2015, с. 58.

диалога между Ираном и Западом, способствуя при этом предоставлению этой стране статуса наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2006 г. Именно в рамках этой организации происходит активное расширение российско-иранского сотрудничества, так как Иран наряду с Индией и Пакистаном был потенциальным кандидатом на полноправное членство в ШОС в 2017 г. Это в итоге привело к тому, что „большая шестерка” („Группа 5+1”) (США, РФ, КНР, Британия, Франция, Германия) способствовала заключению соответствующего соглашения („Общего и всеобъемлющего плана действий”) с Ираном в 2015 г. по сворачиванию им своей ядерной программы и обеспечения доступа специалистов МАГАТЭ к своим стратегическим объектам. Данная сделка заключалась в поэтапном снятии западных санкций, которые ограничивают поставки нефти на мировой рынок, в обмен на отказ Тегерана от ядерной программы. Наконец, в 2015 ЕС снял санкции с двух нефтяных компаний Ирана⁴⁴.

В то же время, РФ реализует стратегию по формированию ситуативной коалиции с Ираном и Турцией. По мнению автора, эти две мощные региональные державы намерены в отдаленной перспективе совместно с Россией формировать основу евразийского станового хребта континентальной мегаинтеграции. Данный вектор российской геостратегии является важным для стабилизации как Ближневосточной, так и Центральноазиатской системы безопасности, а также расширения спектра выходов РФ к мировому океану. Именно поэтому Россия позиционирует себя в качестве осторожного союзника Ирана и с помощью последнего пытается противостоять Западу на Ближнем Востоке. Поэтому Россия и Иран продемонстрировали готовность борьбы с Западом на территории третьих государств⁴⁵. В целом же, после частичной отмены антииранских санкций Запада, связанных с приостановлением Тегераном ядерной программы можно проследить ситуативное сближения с Ираном и использования Кремлем последнего в качестве геостратегического плацдарма на Ближнем Востоке. Также поставки Ирану ракетных комплексов С-300, (начало которого планировался с 2017 г.), помимо банального содействие российско-иранского диалога, было прежде всего направлено на достижение политического эффекта укрепления в Тегеране позиций „партии войны” и срыва процесса американо-иранской стабилизации отношений, что кардинально изменило бы геополитическую конфигурацию в регионе⁴⁶. К тому же, в регионе вызвала

⁴⁴ А. Арбатов, В. Сажин, *Ядерное соглашение с Ираном: финал или новый этап?*, <http://carnegie.ru/2015/12/04/ru-pub-62179> (21 VI 2017).

⁴⁵ В. Каспрук, *Сирійське покарання Туреччини*, „Дзеркало тижня”, 17-24 V 2013, http://gazeta.dt.ua/international/siriyske-pokarannya-turechchini-_.html (21 VI 2017).

⁴⁶ Контракт на постачання Ірану зенітно-ракетних комплексів С-300 на суму 800 млн дол. було підписано ще у 2007 р., проте введення санкцій, у т. ч. й на імпорту зброї, у зв'язку

резкую обеспокоенность информация о возможности предоставления Ирану более мощных зенитно-ракетных комплексов С-400, возможности которого серьезно подорвут ВВС Израиля и других стран региона⁴⁷. Все это может рассматриваться в качестве дополнительного козыря в руках Москвы в переговорах с США по таким вопросам, как размещение системы ПРО в Восточной Европе. Одним словом, экспорт оружия дает России новые рычаги влияния на Ближнем Востоке, укрепляет ее военно-политические позиции и компенсирует финансовые потери от резкого падения цен на энергоресурсы, что является едва ли не главными задачами российского ВПК. К тому же, тесный контакт с Израилем не мешает России сотрудничать с суннитскими ближневосточными государствами, а также демонстративно поддерживать сирийских алавитов и шиитских мулл в Тегеране⁴⁸.

Казалось бы геостратегический треугольник „Москва–Тегеран–Дамаск” начал приобретать свои очертания и в дальнейшем может служить стартом формирования антиамериканской коалиции на Ближнем Востоке, а Россия таким образом имеет все шансы стать ведущим игроком в регионе. Тем более, в 1990-х гг. Российские компании закупали в Ираке нефть в рамках программы ООН „нефть в обмен на продовольствие”. Россию и Иран также частично объединяет восприятие ИГИЛ и группировки „Джабхат ан-Нусра” в качестве равнозначной угрозы. В условиях участия в сирийском конфликте, Россия активно использует иранскую военную базу „Шахид ножей” в Хамадане для своей военной авиации, которую в основном использует для нанесения ударов по антиправительственным оппозиционным войскам⁴⁹.

При всем, обе страны заинтересованы в сохранении режима Б. Асада – Россия по тем причинам, что радикальные джихадисты, которые ведут боевые действия против правительственных войск могут представлять существенную угрозу для постсоветского пространства, а потому собственно сирийский режим является для России залогом относительной стабильности в государстве. Тегерану сохранения режима Б. Асада необходимо прежде во избежание положение „осажденной крепости” (поскольку Иран фактически не имеет союзников на Ближнем Востоке). В то же время Иран выступает за создание т. н. „Цепи сопротивления” (за счет Сирии, Ливана, Ирака и Йемена) против государств, которые якобы стремятся подорвать

з ядерною програмою, змусило Росію його анулювати та доеднатися до цих обмежень разом з іншими членами РБ ООН.

⁴⁷ А. Сивицкий, Ю. Царик, *op.cit.*

⁴⁸ К. Триппе, *Ракетная сделка с Ираном – сепаратный ход Москвы*, <http://inosmi.ru/world/20150415/227517387.html> (22 VI 2017).

⁴⁹ *Спикер парламента Ирана: Россия по-прежнему использует базу Хамадан*, <http://www.svoboda.org/a/27939756.html> (24 VI 2017).

его влияние на Ближнем Востоке. Речь идет прежде всего о Саудовской Аравии, Катаре и Турции⁵⁰.

В свою очередь некоторые эксперты предостерегают Иран от лишних иллюзий относительно сближения с РФ, которая в этой игре может продвигать геостратегию формирования параллельной коалиции с Саудовской Аравией и Израилем. В свое время Саудовская Аравия пообещала России даже заключения многомиллионного контракта с целью закупки российского оружия в обмен на отказ Москвы от поддержки Ирана. К тому же, как уже было сказано, Москва заинтересована в поддержке перманентной конфликтности в Ближневосточном регионе. В таком случае Ирану стоит остерегаться дальнейшей дестабилизации на северо-восточных рубежах его границ – в Туркменистане и Афганистане, что несет риск полномасштабного развертывания инфраструктуры Исламского государства. Также предостережением для Ирана должно служить проведения полностью независимой политики сближения Москвы с правительством Б. Асада⁵¹. Со своей стороны Иран также ведет двойную игру в отношениях с Москвой, так как в апреле 2017 Тегеран несмотря на предварительные договоренности отклонил возможности подписания контракта с Россией об освоении ее корпорациями 11-ти иранских нефтяных месторождений, заблокировав таким образом доступ РФ к своим энергоносителям⁵².

Взаимоотношения России и Турции в последнюю четверть века отмечались относительной стабильностью, прежде всего через курдский фактор, который заставляет избегать Анкару резкого ухудшения отношений с Москвой. Ведь именно „курдская карта” является едва ли не главным рычагом геополитического давления России на Турцию, так как Москва в течение уже длительного периода оказывает косвенную поддержку курдским сепаратистским группировкам, в т.ч. и на территории Турецкого Курдистана. Все же после неудачного антипрезидентского переворота в Турции в июле 2016 г. РФ выразила поддержку Р. Эрдогану как сильному лидеру, который к тому же значительно укрепил свои полномочия после соответствующего референдума. Поэтому, прослеживаем некую геополитическую взаимозависимость двух постимперских государств, интересы которых в большей степени пока совпадают как на Ближнем Востоке, так и в Европе в плане координации энергетической политики на рынках ЕС.

⁵⁰ Н. Кожанов, *Брак по расчету. Перспективы российско-иранского сотрудничества*, „Россия в глобальной политике” 2016, no. 3, <http://www.globalaffairs.ru/number/Brak-po-raschetu-18143> (22 VI 2017).

⁵¹ А. Сивицкий, Ю. Царик, *op.cit.*

⁵² „Россия? Для вас – никаких контрактов!” – Иран „вонзил нож в спину” Кремля и обвел Москву „вокруг пальца”, заблокировав свои нефтяные месторождения для российских компаний, http://www.dialog.ua/news/115806_1491649946 (24 VI 2017).

Вместо нереализованного проекта газопровода „Южный поток” (South Stream) Москва с Анкарой ведут переговоры о строительстве газопровода „Турецкий поток”. РФ слишком заинтересована в этом газовом соглашении с тем чтобы опередить Иран, который наряду с центральноазиатскими странами также выступает активным конкурентом РФ в поставках энергоресурсов территорией Турции в Европу. Как считает Чрезвычайный и полномочный посол Украины в Турецкой Республике С. Корсунский, не исключено, что новый газопровод призван также усилить конкуренцию с существующим прозападным газопроводом „Баку–Тбилиси–Эрзурум”, который в основном поставляет природный газ в Турцию. Проект, в случае реализации построения четырех линий предусматривает поставку в Европу 63 млрд м³ газа – 14 из которых будет поставлено Турции по сниженной цене, хотя эта скидка и выглядит довольно символической – на 6% по сравнению с рыночной ценой для Европы⁵³.

Впрочем, по мнению ряда специалистов, проект совместного строительства газопровода „Турецкий поток” выглядит довольно пессимистично на фоне резкого замедления темпов роста российской экономики и санкций, которые к тому же предусматривают прекращение поставок технологий и оборудования в нефтегазовой сфере. Не смотря на начало прокладки газопровода, России вряд ли удастся построить четыре его линии, необходимых для обеспечения поставок плановых объемов природного газа в Турцию и страны Южной и Юго-Восточной Европы⁵⁴. Таким образом, „Турецкий поток” выглядит пока скорее средством психологического давления или даже геополитическим шантажом Европы, в т.ч. и с целью возможных уступок по имплементации Третьего энергопакета и расширения „Северного потока”⁵⁵.

Кроме того, обе стороны декларируют поддержку борьбы с терроризмом. Еще в 1996 г. был подписан русско-турецкий меморандум о совместной борьбе с терроризмом, а в 1999 г. подписана Декларация о борьбе с терроризмом⁵⁶. В то же время, более тесное сотрудничество Анкары с Кремлем может в перспективе привести к ослаблению южного фланга НАТО, что тем самым играет на пользу России. Также сближения Анкары с Россией дало

⁵³ С. Корсунський, *Турецький потік: Бути чи не бути?*, „Дзеркало тижня”, 14-21 X 2016, http://gazeta.dt.ua/energy_market/tureckiy-potik-buti-chi-ne-buti-.html (24 VI 2017).

⁵⁴ *Ibidem*.

⁵⁵ *Експерти про „Турецький потік” РФ: психічна атака на Євросоюз та тиск на Україну*, <http://tsn.ua/groshi/eksperti-pro-tureckiy-potik-rf-psihichna-ataka-na-yevrosoyuz-ta-tisk-na-ukrayinu-403014.html> (25 VI 2017).

⁵⁶ *Интервью официального представителя МИД России А. В. Яковенко корреспонденту Московского бюро турецкой газеты „Хюрриет” Н.Хаджиоглу*, http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/484774 (25 VI 2017).

дополнительную возможность последний продемонстрировать свою независимость от США и Европы⁵⁷. В целом же, Турция, на фоне потери надежд относительно полноправного членства в ЕС (в основном из-за принадлежности ее к исламской цивилизации, увеличение динамики наплыва эмигрантов-мусульман, а также то, что 97% турецкой территории приходится именно на Азию), все активнее проявляет партнерскую заинтересованность в Иране и России как геополитических центров, встроенных в структуру многополярного мира. Политические элиты Турции видят Иран в качестве мощного лидера Ближнего Востока, а Россию Евразийского региона.

Москва недвусмысленно намекает Анкаре на общие интересы не только в вопросе борьбы с ИГИЛ, но и в сдерживании курдских группировок, которые активно действуют вдоль всей турецко-сирийской границы. Именно поэтому, несмотря на поддержку Анкарой оппозиционных сил в Сирии, сохранение территориальной целостности последней является для Турции не менее важным задачам национальной безопасности, чем борьба с курдскими боевиками внутри страны. Ведь помощь сирийским курдам со стороны Вашингтона, которые признаны Турцией террористическими организациями, остается сегодня камнем преткновения в турецко-американских отношениях⁵⁸.

Кроме того, что РФ заинтересована в продвижении своих энергетических проектов в сторону Европы при поддержке Анкары как стратегического транзитера, не новой также является риторика об участии Турции в евразийских интеграционных проектах, поскольку дискурс о перспективах ее присоединения к ЕАЭС и ШОС прослеживаются как минимум с 2013 г. Политика Турции вполне вписывается в евразийскую стратегию России, а собственно претензии Турции на региональное лидерство в Ближневосточном регионе в перспективе конечно же будут согласовываться с Москвой. Со своей стороны РФ выразила готовность поддержать Турцию в курдском вопросе в случае если она согласится пересмотреть свою позицию по Сирии⁵⁹.

В то время как отношения Москвы и Анкары с 2016 г. вернулись в партнерское русло после инцидента со сбитым российским истребителем над территорией Турции, отношения Анкары и Вашингтона наоборот испортились, что опять же играет на руку России, которая пытается сформировать антизападную коалицию на Ближнем Востоке. Однако, по мнению экспертов, недовольство обеих стран политикой Запада есть недостаточным

⁵⁷ *Мировые СМИ: Визит Эрдогана в Россию заставил Запад понервничать. ИноТВ*, <https://russian.rt.com/inotv/2016-08-10/Mirovie-SMI-Vizit-Erdogana-v> (26 VI 2017).

⁵⁸ С. Корсунський, *Євразійська дуга Дугіна*, „Дзеркало тижня”, 6-12 VIII 2016, <http://gazeta.dt.ua/international/yevraziyska-duga-dugina-.html> (27 VI 2017).

⁵⁹ *Ibidem*.

фактором для построения союзнических отношений. Впрочем, такое сближение двух авторитарных стран вряд ли можно расценивать как формирование стратегического антизападного тандема, а потому его стоит скорее понимать как создание тактического ситуативного союза. После неудавшегося переворота в Турции (в котором отдельные эксперты видят следует США) Р. Эрдоган выбрал стратегию маневрирования между Западом и Россией. Примером того, что Турция не готова считаться с интересами России, стало заявление Р. Эрдогана, сделанное в конце ноября 2016 г. о том, что турецкие войска начали свою спецоперацию в Сирии с целью положить конец правлению российского клиента Б. Асада⁶⁰. Особенно ощутимыми стали разногласия Москвы и Анкары по Сирии после нанесения ракетного удара США по одной из авиабаз сирийских правительственных войск в ответ на применение химического оружия против мирного населения. На фоне этих событий Турция призвала Россию пересмотреть свою позицию относительно дальнейшей поддержки режима Б. Асада. Также Турция не признала аннексии Крыма Россией и, более того, намерена защищать своих соотечественников (крымских татар) на полуострове.

В целом же, судя по действиям В. Путина, которые заключаются в военной поддержке режима Б. Асада, координации геополитических действий с Турцией и использовании военной базы в Иране, российский лидер планирует содействовать выстраиванию ближневосточной геополитической дуги „Анкара–Дамаск–Тегеран” с ситуативным примыканием к ней Москвы, что должно окончательно обеспечить закрепление присутствия России на Ближнем Востоке. Именно военно-политическое сближение между ключевыми геополитическими игроками региона – Турцией и Ираном может стать одним из шагов к созданию военно-политического союза ближневосточных стран. Итак, в среднесрочной перспективе Путин может приступить к формированию антизападной/„антиимпериалистической” коалиции которой должны войти Иран, Ирак, Ливия, Сирия, Египет и Российская Федерация⁶¹.

Выводы

Таким образом, Россия пытается сохранить свое влияние на Ближнем Востоке, который был традиционной геополитической сферой СССР. Одним из первых шагов России стала демонстрация ее равноправного участия

⁶⁰ У Кремлі очікують роз'яснень від Ердогана щодо його заяв про Сирію, <http://www.eurointegration.com.ua/news/2016/11/30/7058223/> (27 VI 2017).

⁶¹ Народження коаліції Москва–Тегеран–Анкара–Дамаск–Баку, <http://osp-ua.info/last-news/59684.html> (27 VI 2017).

в прекращении арабо-израильского противостояния и урегулирование Ближневосточного конфликта в целом. Россия категорически не восприняла „арабскую весну”, расценив действия по изменению режимов в регионе как таковые, что сугубо инспирированы Западом. В последнее время под предлогом борьбы с ИГИЛ Россия прибегла к открытой поддержке авторитарного режима Б. Асада в Сирии, который противостоит антиправительственной оппозиции. РФ прагматично развивает отношения с ведущими странами Ближнего Востока – Ираном и Турцией с целью обеспечения поддержки ее политики в регионе через формирование регионального геостратегического треугольника „Россия–Иран–Турция”. В целом же, РФ имеет стратегические цели по содействию формированию антизападной коалиции на Ближнем Востоке, основой которой должны стать Сирия, Иран, Турция, Египет – то есть государства, которые прямо или косвенно придерживаются пророссийской ориентации.

Summary

Oleg Kondratenko

Middle East geostrategic vector of the Russian Federation

The Russian Federation is actively seeking to reestablish its influence in the Middle East, which at one time was an important area of geostrategic interests of the USSR. In the 1990s, Russia was trying to consolidate itself in the Middle East by demonstrating its participation in the settlement of the Arab-Israeli conflict and in helping to curtail the Iranian nuclear program. Recently, the Russian Federation has strengthened its presence in the Middle East by supporting B. Assad's authoritarian regime, besides, the provocation of instability in Syria, in the face of the fight against ISIS, has led to an increase in the flow of refugees to the European Union, which thereby undermines its stability and unity. Russia is also interested in spreading control over the extraction and transit of energy resources to Europe, and because of the support of the destruction in the region of the Middle East, Moscow is taking steps to eliminate energy rivals in the European market for hydrocarbons, as the oil and gas transit of the Persian Gulf is carried out precisely by the territory of Syria. In general, the overwhelming task of strengthening Russia's influence in the Middle East is to patronize the creation of an anti-Western coalition from among such states as Syria, Iran, Iraq, Turkey, Egypt and Libya. An indication of this is the build-up of Russia's supply of Iran and Egypt with the latest weaponry in order to increase their geopolitical weight

and change the balance of power in the region as a whole. With all of the Russian-Turkish relations are unstable, primarily because of differences in the support of the Syrian regime, B. Asad.

Oleg Kondratenko – dr historii, docent w Instytucie Stosunków Międzynarodowych Narodowego Uniwersytetu Kijowskiego im. T. Szewczeki